

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, іюня 14-го.

Содержаніе: Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности.—
Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ
имъ сектантовъ (продолженіе).—Обозрѣніе проповѣдей въ Епар-
хіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ (продолженіе).

Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности.

Среди пастырскихъ обязанностей, существовавшихъ и
прежде, а теперь, подъ вліяніемъ различныхъ явленій въ
жизни народа, усиленныхъ, на первое мѣсто нужно поста-
вить точное и благомыслимое совершеніе общественнаго и ча-
стнаго богослуженія и народное учительство. Требованіе
истоваго, благоговѣйнаго совершенія богослуженія отъ пра-
вославнаго духовенства есть, самое законное требованіе, къ
исполненію котораго должны быть направлены всѣ усилія и
энергіи — прежде всего. У насъ принято думать, что благо-

говѣйное и истовое совершеніе богослуженія зависитъ всецѣло и исключительно отъ священника. Между тѣмъ, это не всегда такъ. Развѣ, напр., неизвѣстно вліяніе на эту сторону пастырской дѣятельности прихожанъ изъ образованныхъ или даже мнящихъ только себя таковыми? Всѣ они желаютъ обыкновенно, чтобы богослуженіе не *затягивалось*,— и желаютъ этого въ видахъ разныхъ своихъ житейскихъ— часто слишкомъ мелочныхъ—соображеній и расчетовъ. Всѣмъ извѣстно также отношеніе къ богослуженію бывшихъ помѣщиковъ, а ихъ роль стараются разыгрывать въ этомъ отношеніи въ настоящее время заступившіе помѣщиковъ толстосумы—землевладѣльцы. Послѣдніе нерѣдко считаютъ себя даже въ правѣ *требовать*, чтобы религіозные интересы прихода приносимы были въ жертву ихъ житейскимъ интересамъ; особенно это нужно сказать о мѣстностяхъ съ сильно развитой фабричной и заводской промышленностію. Что дѣлать священнику въ такихъ обстоятельствахъ? Кто не знаетъ условій матеріальной зависимости нашего духовенства отъ прихожанъ? Кто вмѣстѣ съ тѣмъ не знаетъ и того, какъ часто возникаютъ на этой именно почвѣ различныя слѣдственные *дѣла* по совершенно неосновательнымъ доносамъ на священниковъ, которые честно борются съ указаннымъ печальнымъ явленіемъ? Съ другой стороны, благолѣпіе богослуженія весьма много зависитъ отъ чтенія и пѣнія церковнаго. Въ этомъ отношеніи приходскіе пастыри многое могутъ сдѣлать своими личными стараніями. Въ распоряженіи ихъ находится могучее средство—церковная школа; въ ихъ же рукахъ до извѣстной степени находится и возможность завести въ храмѣ если не общее церковное пѣніе, то, по крайней мѣрѣ, пѣніе нѣкоторыхъ грамотныхъ изъ прихожанъ, имѣющихъ хорошіе голоса. Кромѣ того, нѣкоторыми архипастырями, въ цѣлихъ удовлетворенія указанной нужды въ хорошихъ пѣвцахъ и чтецахъ въ приходскихъ церквахъ, помимо общихъ заботъ о развитіи вообще образованія среди духовенства и въ частности обученія церковному пѣнію въ

духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, устроятся нарочитыя псаломщическія и пѣвческія школы.

Не указывая всѣхъ другихъ условій, отъ которыхъ зависитъ исполненіе приходскимъ духовенствомъ требованій относительно благочинія и благолѣпія богослуженія, остановимся еще на слѣдующемъ. Какъ совершать благолѣпно и по чину богослуженіе частное въ приходахъ большихъ или разбросанныхъ? Необходимо отслужить молебенъ, напр., въ праздникъ Пасхи въ домѣ каждаго прихожанина со всею полнотою; но достанетъ ли времени и силъ у священника и причта сдѣлать это въ приходахъ большихъ и разбросанныхъ, гдѣ къ тому же есть нѣсколько деревень, отстоящихъ одна отъ другой на болѣе или менѣе далекое разстояніе? Намъ извѣстны случаи, когда съ молебнами на св. Пасху причты ходятъ всю недѣлю; въ нѣкоторыхъ приходахъ священники во всю Святую недѣлю почти и не бывають дома, среди своей семьи. Равнымъ образомъ, какъ выполнить требованіе относительно полноты совершенія частнаго богослуженія въ такомъ, напр., приходѣ, въ которомъ въ промежутокъ времени отъ 3 по 7 августа было—погребеній 25, крещеній 15, и, кромѣ того, болѣе 10 разъ пришлось ѣздить въ приходъ съ другими требами? И подобное количество требъ—не исключительная случайность, а почти обыкновенное явленіе, особенно лѣтомъ, когда по селамъ, какъ извѣстно, такъ много умираетъ дѣтей. Въ настоящее время большинство образованныхъ священниковъ начинаетъ смотрѣть на разныя хожденія по приходу (съ св. крестомъ, св. молитвой, св. водой, съ молебнами), главнымъ образомъ, какъ на одно изъ могучихъ средствъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на прихожанъ; въ скоромъ времени, нужно надеяться, такой вполне вѣрный взглядъ получитъ повсемѣстное распространеніе. Ясно, что эти посѣщенія причтомъ приносятъ еще болѣе будутъ достигать цѣлей религіознаго проповѣданія послѣднихъ, если только богослуженіе, совершаемое во время ихъ, будетъ исполняться по чину и съ благолѣпіемъ.

пиемъ. При явной же невозможности исполнить это требованіе, вслѣдствіе многолюдства прихода или разбросанности его, прибѣгаютъ, какъ мы слышали въ такомъ средству: *отслужать въ храмъ общій торжественный молебенъ* и объявляютъ прихожанамъ, что, по указаннымъ выше причинамъ, въ домѣ каждаго прихожанина будутъ прочитаны и пропѣты только нѣкоторыя молитвословія и пѣсногѣнія; то же самое будетъ дѣлаемо и въ приписныхъ деревняхъ. При подобной постановкѣ дѣла, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ будетъ ясно, что совершается въ домахъ прихожанъ, и будетъ отнята возможность нареканій, давшихъ, надо полагать, содержаніе извѣстной пословицы: „отзвонилъ да и съ колокольни долой“.

Мы должны отмѣтить, что, не смотря на разныя препятствія, многіе изъ приходскихъ пастырей дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ для приданія совершенію какъ общественнаго, такъ и частнаго богослуженія должнаго благолѣпія. И вліяніе этого обстоятельства на приходскую жизнь въ высшей степени благотворно: храмы всегда въ такихъ приходахъ переполнены; даже живущіе въ приходахъ раскольники начинаютъ посѣщать православное богослуженіе и даже принимать къ себѣ на-домъ священниковъ. Самое подготовленіе къ богослуженію, напр., спѣвки въ школѣ, выслушваніе учениковъ, назначенныхъ для чтенія въ церкви,—все это придаетъ особый характеръ праздничному дню и устанавливаетъ во всемъ приходѣ особое, вполне соответствующее значенію христіанскихъ праздниковъ настроеніе и даже поведеніе прихожанъ. Всѣ эти явленія слишкомъ отрадны, чтобы не пожелать имъ возможно широкаго распространенія.

Въ періодъ преобразованій обращено было особенно серьезное вниманіе на развитіе образованія среди народа. Нужда въ этомъ была, дѣйствительно, великая. Но отнеслись къ указанному вопросу, не принявъ въ соображеніе всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ возможно и должно было удовлетворить назрѣвшія нужды народа въ образованіи и въ то же время поддержать *равновѣсіе* силъ души народной, не

нарушать *мира* ея, дать народу возможность сознательно и разумно отнестись къ даруемымъ ему благамъ свободы и самоуправленія. Вотъ почему Тотъ, Кто захотѣлъ дать дѣйствительно прочную основу народному просвѣщенію, способную быть вѣрнѣйшимъ залогомъ всесторонняго, но въ то же время мирнаго, спокойнаго развитія этого просвѣщенія, обратился прежде всего къ Церкви, къ ея ученію о вѣрѣ и нравственности. И Царь-Миротворецъ призвалъ Православную Церковь къ самому дѣятельному участию въ народномъ просвѣщеніи, вслѣдствіе чего православное духовенство и выступило въ наши дни на поприщѣ народнаго учительства. Такимъ образомъ, эта—давнишняя, но только временно затѣненная—обязанность пастырей Церкви въ своемъ обновленномъ видѣ и въ своей большей степени неотложности является необходимымъ слѣдствіемъ предшествующихъ, а равно и существующихъ явленій въ духовной жизни народа.

Народное учительство, вслѣдствіе особенныхъ свойствъ пастырскаго служенія, для духовенства представляется въ двухъ главнѣйшихъ видахъ. Какъ пастырь Христова стада, священникъ является прежде всего учителемъ съ церковной кафедры и въ церкви. Этотъ видъ дѣятельности приходскаго духовенства, особенно сельскаго, недавно еще въ иныхъ мѣстахъ отсутствовалъ. Много было, конечно, причинъ для этого. Между тѣмъ, одновременное отсутствіе школъ и церковнаго учительства приводило естественнымъ путемъ къ тому, что религіозно-нравственное развитіе простого народа было на самой низкой ступени. Существованіе школъ при отсутствіи церковнаго учительства вело къ ослабленію въ приходѣ вліянія духовенства и Церкви, къ колебанію самой вѣры, что и выразилось въ появленіи новыхъ у насъ сеетъ преимущественно раціоналистическаго направленія. Не ясно ли, что, кромѣ прямой заповѣди Спасителя—*учить*, существуетъ много и другихъ побудительныхъ причинъ для пастырей Церкви возможно выше поставить церковное учительство? На эту сторону дѣятельности приходскаго духо-

обращено теперь церковною властію самое серьезное вниманіе. И нужно замѣтить, что въ настоящее время для усиленія проповѣдничества въ церквахъ существуетъ много благоприятныхъ условий. Значительное большинство священниковъ получило полное семинарское образованіе, въ курсѣ котораго развитію способностей для проповѣдничества отведено довольно времени и вниманія; среди городскаго духовенства можно встрѣтить много священниковъ съ высшимъ духовнымъ образованіемъ. Нѣтъ также недостатка и со стороны пособій и образцовъ проповѣдничества: духовные журналы и приложенія къ нимъ даютъ болѣе чѣмъ достаточный матеріалъ для проповѣди сельской и городской, для простого народа и для образованныхъ слушателей. Не меньше матеріала желающій можетъ найти въ тѣхъ же духовныхъ журналахъ и для внѣбогослужебныхъ чтеній и бесѣдъ. А сколько матеріала для пастырскаго учительства даетъ священнику ближайшее наблюденіе и изученіе жизни народной? Наконецъ, самое оживленіе приходской жизни, замѣчаемое теперь повсюду, не можетъ не поднять ревности приходскаго священника въ этомъ направленіи. И нужно замѣтить, что въ настоящее время церковное учительство быстро развивается. Много есть священниковъ, которые неустанно проповѣдуютъ и ведутъ внѣбогослужебныя чтенія и бесѣды, у нѣкоторыхъ это вошло уже въ обычай и стало неотъемлемою принадлежностію богослуженія; мало того,—есть среди приходскихъ пастырей и такіе, у которыхъ проповѣдничество и внѣбогослужебныя чтенія и бесѣды ведутся въ порядкѣ какъ относительно содержанія, такъ и внѣшняго расположенія, причемъ послѣднія сопровождаются туманными картинами. Но, къ сожалѣнію, нужно сказать, что такое отрадное явленіе не можетъ быть признано повсемѣстнымъ.

Съ вопросомъ о внѣшней постановкѣ проповѣдничества связанъ также вопросъ о содержаніи проповѣди. Что понимать: положительное ли ученіе Церкви о вѣрѣ и нравственности, или, имѣя въ виду религіозно-нравственное

состояніе прихода, больше обращать вниманія на то, что указывается самою жизнію?—Этотъ вопросъ во многихъ отношеніяхъ не безразличенъ. Есть, напр., не мало свидѣтельствъ о томъ, что въ приходахъ съ развитымъ—преимущественно нравственно-распущеннымъ фабричнымъ и промысловымъ—населеніемъ *обижаются*, когда церковная проповѣдь носитъ въ большинствѣ случаевъ обличительный характеръ. вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ указанія жизни и обратнаго свойства: въ приходахъ съ населеніемъ спокойнымъ, ведущимъ болѣе патріархальную жизнь, обличенія вызываютъ великую радость и благодарность, особенно, если они направляются противъ нарушенія искони установившихся порядковъ жизни и взаимныхъ отношеній; слушаютъ съ умиленіемъ старики и вообще пожилые прихожане, когда „бабушка“ учитъ молодежь послушанію, скромности и уваженію къ старшимъ; съ тѣмъ жѣ чувствомъ они выслушиваютъ обличеніе непорядковъ и въ ихъ жизни, и—что всего важнѣе—сказанное въ церкви служитъ основою и источникомъ домашнихъ вразумленій и разговоровъ, а это усиливаетъ вліяніе священника. Такая же противоположность въ указаніяхъ опыта существуетъ и относительно проповѣдей съ положительнымъ содержаніемъ: въ однихъ случаяхъ онѣ превращаются исключительно въ пустую формальность; въ другихъ—дѣйствіе ихъ на слушателей весьма благотворное, при чемъ замѣчено, что въ большинствѣ случаевъ такіа проповѣди остаются безъ замѣтнаго вліянія на слушателей изъ тѣхъ же промысловыхъ и фабричныхъ поселеній. Выводъ изъ такихъ указаній можетъ быть такой: требуется, въ цѣляхъ успѣшности пастырскаго проповѣдничества, отъ священниковъ тѣ же главнѣйшія условія, какія и отъ каждаго учителя-воспитателя, именно—знаніе своихъ слушателей, ихъ настроенія и умѣнье *во время* предлагать такую умственную пищу, какая наиболѣе можетъ быть пригодна для нихъ. Недостаточность знанія вѣры и требованій христіанской нравственности, которою страдаетъ нашъ народъ, и которая въ

иныхъ случаяхъ доходить до полнаго незнанія, понуждаетъ духовныхъ учителей народа возможно чаще и больше со-общать ему этихъ знаній. Вмеѣстѣ съ тѣмъ быстрое развитіе разнаго рода пороковъ, угрожающее самымъ серьезнымъ образомъ всему церковному строю прихода, не можетъ быть оставляемо безъ вниманія и не можетъ не встрѣчать серьезнаго отпора. Къ этому нужно присоединить общеизвѣстное воспитательное правило, что только то крѣпко прививается къ душѣ человѣческой, что не носитъ исключительно отвле-ченнаго характера, но имѣетъ или близкое приложеніе къ жизни, или получаетъ изъ послѣдней надлежащее освѣщеніе и объясненіе. Истины христіанскаго вѣро—и правоученія слишкомъ высоки и чисты и потому требуютъ для своего усвоенія нѣкотораго рода наглядности, примѣровъ. Умѣнье, вниманіе и любовь къ своему дѣлу укажутъ всегда пропо-вѣднику, какъ совмѣстить всѣ эти требованія, чтобы наи-лучше достигнуть общей цѣли—религіозно - нравственнаго просвѣщенія прихожанъ и частной—въ каждомъ данномъ случаѣ. Слѣдуетъ только принять за правило—въ обличенія не вводить личнаго отношенія, тѣмъ болѣе—раздраженія и даже излишней суровости,—ибо сказано: любовь все по-бѣждаетъ.

Храмъ Божій есть общее училище для всѣхъ возрастовъ и половъ. Чтобы преподаваемое въ немъ ученіе было надле-жащимъ образомъ усвоено и служило дѣйствительно къ жи-воту и благочестію, для этого необходимо священнику пред-варительно приготовить себѣ будущихъ слушателей. А такое подготовленіе можетъ и должно совершаться въ школѣ, такъ что школа сама собою является *предверіемъ* храма. Отсюда уже видно, что пастырь Церкви, призванный быть учителемъ въ храмѣ, въ то же время долженъ быть и учителемъ въ школѣ. Къ тому же выводу приводитъ и обширное, правиль-ное пониманіе пастырскаго служенія. Тотъ, кому поручена забота о людяхъ и людьми всемѣрная забота о спасеніи христіан-скомъ, на кого возложена великая отвѣтственность за

ихъ благосостояніе, никогда не можетъ и не долженъ быть равнодушнымъ къ умственной пищѣ, которою питаются дѣти его пасомыхъ, малые изъ этихъ пасомыхъ; тѣмъ болѣе онъ не можетъ быть равнодушнымъ, что начала духовной жизни, полагаемыя въ дѣтствѣ, опредѣляютъ всю будущность чело-вѣка. Равнымъ образомъ, цѣли истиннаго просвѣщенія, какъ онѣ должны быть понимаемы съ точки зрѣнія блага личнаго и общественнаго, сами собою указываютъ, какой характеръ должна имѣть народная школа, кто долженъ быть ея руко-водителемъ. Въ основу школьнаго просвѣщенія должны быть положены истины, во-первыхъ, незыблемыя, а во-вторыхъ— всеобъемлющія и непререкаемыя по своему достоинству, при чемъ сообщеніе этихъ истинъ и развитіе ихъ въ цѣломъ рядѣ знаній должно имѣть въ виду не образованіе какой-либо одной способности, а просвѣщеніе всей души чело-вѣческой,—иначе онѣ должны быть вводимы въ душу чело-вѣческую не чрезъ одно ученіе, а главнымъ образомъ чрезъ воспитаніе. Истинно-просвѣщающая школа должна заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы выработать въ душѣ своихъ питомцевъ строгое, ясное нравственное направленіе, постоянную и непоколебимую склонность къ добру и постепенному совершенствованію. Навыки, неизмѣнная въ указанномъ на-правленіи душевная настроенность составляютъ благо чело-вѣка. Они одни могутъ дать несравненно больше, чѣмъ всё въ мірѣ знанія, если только послѣднія лишены истинныхъ и животворныхъ нравственныхъ началъ. Такими же высшими нравственными началами, все въ себѣ объединяющими, все возвышающими и всему сообщающими истинно-человѣческой смсль и значеніе, могутъ быть только *религіозно-нравствен-ныя истины*, не выдуманная чело-вѣкомъ, а данная ему, по неизреченной любви къ чело-вѣку, Высочайшимъ Существомъ, Неизмѣняемымъ и Вседовольнымъ, Богомъ. Эти начала вѣчны, важностію и высотой своею все превосходятъ,—но въ то же время и общедоступны, для всѣхъ понятны и, слѣдовательно, всѣми могутъ быть усвоены. Они собою не исключаютъ дру-

гихъ знаній, они не замыкають для человѣческаго разума путей къ приобрѣтенію самыхъ разнообразныхъ знаній; напротивъ—они вели и ведутъ человѣка къ этимъ знаніямъ и при этомъ освѣщаютъ значеніе ихъ высшимъ свѣтомъ и освящаютъ къ употребленію на пользу человѣка, его умственного и въ особенности нравственного самосовершенствованія. Какъ таковыя, притомъ существенно-необходимыя для человѣка и превосходящія его способности,—не въ смыслѣ возможности *понимать ихъ*, а *додумываться* до нихъ—эти истины даны были человѣку изначала, въ первое время его райской жизни, но, вслѣдствіе грѣхопаденія, были частію затемнены въ сознаніи человѣка, частію совершенно имъ забыты: духовныя очи человѣка, ослѣпленныя грѣхомъ, отворотились отъ внутренняго духовнаго міра и обратились ко-внѣ. Господь Богъ, въ Своей неизреченной благодати къ человѣку, ниспослалъ на землю Единороднаго Сына Своего, чтобы вторично и яснѣе открыть ему все, что ему должно быть извѣстно для осуществленія цѣлей его земнаго существованія, и что часто скрывается отъ его взоровъ подъ цѣлымъ слоемъ имъ самимъ измышляемыхъ цѣлей и задачъ. Весь мятущійся родъ человѣческій, въ *своемъ исканіи* правды и истины дошедшій уже почти до полнаго нравственного и умственного изнеможенія, Христомъ Спасителемъ міра призванъ къ единственному источнику всякой правды и истины—Божественному откровенію. Истины Божественнаго откровенія и основанной на нихъ нравственности должны, поэтому, прежде всѣхъ другихъ знаній быть усвоены человекомъ; съ нихъ и ими же должно начинаться и проникаться всяческое человѣческое просвѣщеніе, и тѣмъ болѣе начальное. Истины вѣры и нравственности, заповѣданныя на вѣчныя времена міру Спасителемъ, неизмѣнно и во всей своей святой чистотѣ сохраняются Православною Церковію. Она единственная хранительница заповѣдей Божіихъ, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ необходимыя средства, чтобы правильно и всемирно истолковывать евангельское ученіе и руково-

дить къ животу вѣчному всѣхъ ищущихъ его. Это руководство—ея обязанность, устранить ее отъ этой обязанности никто не въ правѣ. „Св. Церковь наша Самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ поставлена блюсти и возвѣщать міру божественныя писанія, *моуциѣ умудрити во спасеніе* (2 Тим. 3, 15), быть учительницей вѣры и благочестія и неоскудною сокровищницею богодарованныхъ благодатныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы сѣмена Слова Божія произращали плоды благіе во время свое, *да совершенъ будетъ Божій человекъ, на всякое благое дѣло уготованъ* (2 Тим. 3, 17). Поэтому-то, она въ той или другой мѣрѣ всегда была истинною матерью, подъ кровомъ своимъ воспитывающею людей всякаго возраста и пола. И „слово Церкви возвышается надъ всѣми ученіями человѣческими и одинаково властно для дѣтей и отцовъ, для пасомыхъ и самихъ пастырей, провозвѣстниковъ и истолкователей ея ученія. Каждый христіанинъ долженъ жить и приготовляться къ вѣчности подъ кровомъ Церкви, подъ живымъ и постояннымъ воздѣйствіемъ ея наставленій“ 1). Отворяя и освящая двери земной жизни таинствомъ крещенія для каждаго христіанина и сопровождая его своимъ напутствіемъ въ жизнь вѣчную, Церковь должна постоянно, непрерывно исполнять свою воспитательную задачу. Являясь обладательницей и хранительницей вѣчной истины, она одна можетъ дать просвѣщаемому человеку тѣ незыблемыя основанія, которыя, способствуя мирному, спокойному теченію просвѣщенія, сообщать всѣмъ званіямъ и стремленіямъ человѣческимъ устойчивость и прочность.

Итакъ, вотъ гдѣ корень той обязанности, къ которой православное приходское духовенство вновь призвано Царемъ-Миротворцемъ. Она тѣсно, неразрывно связана съ самимъ пастырскимъ служеніемъ и составляетъ какъ бы вто-

1) Progr. учебн. предметовъ для церк.-прих. школъ. Введеніе, стр. 3.

рую, послѣ церковнаго учительства, половину этого служе-
женія. Ясно, что смотрѣть на школьное учительство, какъ
на дѣло не только постороннее, но даже хотя бы и второ-
степенное для пастырей Церкви, значить—суживать пастыр-
ское служеніе наполовину и лишать пастыря Церкви одного
изъ существенныхъ правъ и таковой же обязанности, а вмѣстѣ
съ тѣмъ лишать его въ той же степени и возможности быть
истиннымъ пастыремъ.

(Продолженіе будетъ).

Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штун- дистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ ¹⁾.

Гл. 9, ст. 9—10. „Она (прежняя скинія) есть образъ
настоящаго времени, въ которое приносятся дары и жертвы,
не могущія сдѣлать въ совѣсти совершеннымъ приносящаго,
и которыя съ яствами и питіями и различными омовеніями
и обрядами, относящимися до плоти, установлены были только
до времени исправленія“. Слыша, что апостоль считаетъ не-
совершенными „дары и жертвы“, „яства и питія, омовенія
и обряды“, штундисты относятъ это къ таинствамъ новоза-
вѣтной Церкви, къ жертвѣ и трапезѣ Евхаристіи, къ водно-
му крещенію. Подъ „настоящимъ временемъ“ они разумѣютъ
время господства православія, а подъ „временемъ исправле-
нія“ время распространенія своего „духовнаго“ христіанства.
Посему въ отвѣтъ православнымъ миссіонерамъ, когда по-
слѣдніе доказываютъ несомнѣнно-божественное установленіе
крещенія и причащенія, они говорятъ, что все подобное
сдѣлано до „времени исправленія“. Однако апостоль
ясно понялъ, что подъ „временемъ исправленія“
смыслеть время пришествія Христова, ибо непосред-

ственно, въ ст. 11—12, присовокупляетъ: „но Христось, Первосвященникъ будущихъ благъ,—однажды вошелъ во святилище и приобрѣлъ вѣчное искупленіе“,—и далѣе, въ ст. 14, говоритъ: „кровь Христа, Который—принесъ Себя непорочнаго Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“ Въ томъ, что апостоль называетъ вѣчнымъ („вѣчное искупленіе“), могъ ли онъ допускать еще какое-то исправленіе? Конечно нѣтъ, равно какъ не могъ онъ знать и говорить о штундизмѣ, который явился послѣ него спустя 18 вѣковъ. Итакъ „время исправленія“ есть время пришествія Христа и съ Нимъ—Новаго Завѣта, смѣнившаго и восполнившаго Завѣтъ Ветхій. Соответственно этому нужно понимать и „настоящее время“, о которомъ апостоль говоритъ, что образомъ его была прежняя скинія: это есть время Ветхаго Завѣта, время кровавыхъ жертвъ, когда оскверненные очищаемы были кровію тельцовъ и козловъ (ст. 13); оно называется здѣсь „настоящимъ“ потому, что при ап. Павлѣ, писавшемъ это посланіе, существовалъ еще и храмъ іерусалимскій, и ветхозавѣтная обрядность соблюдалась, а Церковь Христова была въ самомъ началѣ. Дѣйствительно, весь Ветхій Завѣтъ изображался въ устройствѣ и расположеніи частей скинии (или храма), и то, что во Святое Святыхъ („вторая скинія“ ст. 7) даже первосвященникъ могъ входить только одинъ разъ въ годъ, знаменовало, что ветхозавѣтныя средства очищенія и оправданія были недостаточны и не могли открыть людямъ доступа въ небесное царство.

Если апостоль считаетъ несовершенными обряды, дары и жертвы, яства и питія, бывшія въ Ветхомъ Завѣтѣ, то этого отнюдь нельзя распространять на тайнодѣйствія Новаго Завѣта. несовершенство ветхозавѣтныхъ установленій происходило оттого, что они были образомъ (8, 5), а образъ ниже предмета, который имъ изображается; новозавѣтныя предметы и событія отбрасывали въ Ветхій Завѣтъ какъ бы тѣни, заключавшіяся въ ветхозавѣтныхъ установленіяхъ; понятно, что, сравнительно съ этими „тѣнями“, они имѣють

большую силу и достоинство. Тамъ были прообразовательныя жертвы и связанныя съ ними яства и питія, кропленія и омовенія, а въ Новомъ Завѣтѣ принесена истинная жертва Христова, и всѣ *сакраментальныя явленія на этой жертвѣ* неразрывно съ нею связаны. Посему тѣ жертвы не могли сдѣлать приносящихъ „совершенными въ совѣсти“, и способствовали только внѣшнему или плотскому очищенію (ст. 9 и 13); Кровь же Христа несомнѣнно имѣетъ силу очищать нашу совѣсть отъ мертвыхъ дѣлъ для служенія Богу живому и истинному (ст. 14).

Ст. 11—12. „Христось, Первосвященникъ будущихъ благъ, пришедши съ (διά, чрезъ) большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною, то есть, не таковаго устройства, и не съ кровію бзловъ и тельцовъ, но съ Своею кровію, надежды вошелъ во святилище, и приобрѣлъ вѣчное искупленіе“. Сопоставимъ эти стихи съ ст. 24, гдѣ говорится: „Христось вошелъ не въ рукотворенное святилище, по образу истиннаго устроенное, но въ самое небо“. Очевидно, что подъ скиніею, чрезъ которую прошелъ Христось, и подъ святилищемъ, въ которое вошелъ Онъ съ Своею Кровію, апостоль разумѣлъ небо.

Ст. 14. „Кровь Христа, Который Духомъ Святымъ принесъ Себя непорочнаго Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“. Въ этомъ стихѣ вопросъ, почему апостоль приносилъ Христа Духомъ Святымъ? Мы, православные, исходя изъ того, что въ таинствѣ Евхаріи обновляются жертвенными въ силу Крови Христа, а это преложено: сообразно съ этимъ, какъ на Голгоѣ Кровь и постраданіе Христа представляется жертвою за грѣхи міра приносимую Богу, и въ таинствѣ Евхаріи представляется не-бесною жертвою при жертвѣ Христа, и въ таинствѣ Евхаріи представляется не-бесною жертвою отъ мертвыхъ дѣлъ, и въ таинствѣ Евхаріи представляется не-бесною жертвою, что смерть

Христовѣ имѣла цѣлю искушеніе „преступленій, сдѣланныхъ въ первомъ завѣтѣ“. И такъ, „мертвыя дѣла“ (ст. 14) и „преступленія“ (ст. 15) представлялись гонимыми. Можно также сказать, что мертвыми дѣлами названы здѣсь дѣла закона, отягощавшія совѣсть ветхозавѣтнаго человѣка своею неисполнимостію и производившія въ немъ тягостное чувство безысходной преступности; они же названы и преступленіями не потому, чтобы законъ предписывалъ что-либо преступное, но потому, что дѣло, предписанное закономъ и однако неосуществимое, есть уже преступленіе (ср. Рим. 7, 7—13).

Ст. 23. „Образы небеснаго должны были очищаться сими, самое же небесное лучшими сихъ жертвами“. Подъ „образами небеснаго“ апостоль разумѣетъ упомянутые въ ст. 21 „скинію и всѣ сосуды Богослужебныя“; онъ называетъ ихъ такъ потому, что скинія и всѣ ея принадлежности устроены были по образцу, показанному Богомъ Моисею на горѣ (ср. 8, 5). Скинія очищаема была посредствомъ кропленія кровію жертвенныхъ животныхъ, о чемъ апостоль выражается такъ: „образы небеснаго должны были очищаться сими“. Скинія нуждалась въ такомъ очищеніи по тому, что она находилась, какъ говорится въ Моисеевомъ законѣ, среди нечистоты сыновъ Израилевыхъ (Лев. 16, 16—19), и эта нечистота могла сообщаться ковчегу завѣта, жертвеннику и проч. священнымъ предметамъ. Но, по ученію апостола, въ очищеніи нуждаются не только образы небеснаго, но и самое небесное, т. е., та скинія, видѣнная Моисеемъ на горѣ, по образцу которой была построена имъ скинія земная (ст. 1); потому апостоль и говоритъ: „самое же небесное лучшими сихъ жертвами очищается“. Что же такое представлялъ собой этотъ небесный образецъ? Если бы это былъ просто строительный планъ или рисунокъ, то онъ не нуждался бы въ очищеніи ради временности своего существованія и по отсутствію въ немъ самостоятельнаго значенія. Если бы это былъ небесный домъ Божій, съ престоломъ превознесеннымъ,

съ серафимами, стоящими окрестъ его, то, конечно, онъ не нуждался бы въ очищеніи, какъ неизмѣримо отдаленный отъ нечистоты человѣческой (ср. Исаія. 6, 1—5). Остается только признать, что подъ „небеснымъ“ апостоль разумѣлъ царство Христово, именуемое небеснымъ, хотя и пребывающее среди людей, сообщающее имъ всѣ духовныя благословенія и преобразующее ихъ отъ славы въ славу (Фил. 3, 21). Это царство, иначе называемое Церквію, имѣетъ потребность въ очищеніи ради немощи вступающихъ въ него и дѣйствительно очищается жертвою, превосходящею ветхозавѣтныя жертвы, о чемъ апостоль говоритъ: *Христосъ возлюбилъ церковь и себе преддалъ за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водою въ слово: да представитъ ю себѣ славному церкви, не имущу скверны или порока, или ничто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Еф. 5, 25—27). Итакъ Церковь Христова превосходитъ скинію, такъ какъ она очищается лучшими жертвами, жертвой Голговецкой и многократно совершаемой Евхаристіей.

Гл. 10, ст. 1—2. „Законъ—однѣми и тѣми же жертвами, каждый годъ постоянно приносимыми, никогда не можетъ сдѣлать совершенными приходящихъ съ ними. Иначе перестали бы приносить ихъ“. Сн. ст. 18. „Гдѣ прощеніе грѣховъ, тамъ не нужно приношеніе за нихъ“. Основываясь на этихъ словахъ, сектанты отвергаютъ всякаго рода приношенія, дѣлаемыя христіанами въ надеждѣ получить отъ Бога милость и прощеніе грѣховъ. Сюда относятся приносимыя въ храмъ просфоры, ладанъ, свѣчи; все это (равно какъ и приношеніе самой евхаристійной жертвы) сектанты считаютъ излишнимъ и неумѣстнымъ въ виду того, будто прощеніе грѣховъ уже снискано Голговецкимъ страданіемъ, упразднившимъ всѣ другія средства примиренія съ правосудіемъ Божиимъ. Мы уже разъяснили, что однажды принесенная Христомъ жертва и по православному ученію не повторяется, но лишь непрерывно сохраняетъ свое дѣйствіе, а Тѣло и Кровь Христовы столь же непрерывно сохраняютъ свое ходатайственное значеніе, съ которымъ они являются и

въ таинствѣ Евхаристіи. Но мы должны безъ числа и мѣры прибѣгать къ этой всемірной жертвѣ, дабы полученное нами прощеніе соблюсти и снисканное примиреніе съ Богомъ не утратить по причинѣ новыхъ грѣхопаденій. Прибѣгаемъ мы къ Великому Первосвященнику и Агнцу многоразличными способами: то одною вѣрою, то вѣрою, подерѣпляемою посредствомъ молитвы (Матѳ. 26, 41), колѣнопреклоненій (Лук. 22, 41), приношеній въ храмъ (21, 1—4), милостыни (19, 8). Всѣ эти подвиги не имѣютъ значенія и свойства искупительнаго приношенія за грѣхи: такова была только жертва Христова; но выражаютъ лишь нашу любовь къ Христу (7, 47) и усердіе, съ которымъ мы стараемся соблюсти Его вѣчное искупленіе. Конечно, никто не скажетъ, что прощеніе грѣховъ, приобрѣтенное намъ жертвоприношеніемъ Христа, не можетъ быть нами утрачено по причинѣ нашего нерадѣнія и грѣховности.

Вообще, апостоль, противопоставляя множественности ветхозавѣтныхъ приношеній единство жертвоприношенія Христова, совсѣмъ не хочетъ научить насъ тому, что послѣднее, однажды совершивши все отъ него зависящее, затѣмъ уже не дѣйствуетъ (не продолжаетъ ходатайственнаго дѣйствія въ Евхаристіи), или тому, что оно не оставляетъ мѣста выраженіямъ нашей любви къ Христу и нашего попеченія о спасеніи. Онъ только показываетъ читателямъ евреямъ, что множество приносимыхъ по закону агнцевъ свидѣтельству о невозможности получить чрезъ нихъ оправданіе, и что жертва Христа вполнѣ довлѣетъ для этого, а потому и есть единая.

Ст. 19—22. „Имѣя дерзновеніе входитъ во святилище посредствомъ крови Іисуса Христа, — да приступаемъ съ искреннимъ сердцемъ, съ полною вѣрою, кропленіемъ очистивъ сердца отъ порочной совѣсти, и омывъ тѣло водою чистою“. Подъ святилищемъ разумѣется здѣсь небо или царство Христово, преисполненная небесными благословеніями

новозавѣтная Церковь Божія. Для входа въ нее апостоль указываетъ, какъ средство, Кровь Христову. Какъ пользоваться этимъ средствомъ? Отвѣтъ на это находится въ ст. 22, гдѣ сказано: „кропленіемъ очистивъ сердца“. Итакъ, для вступленія въ небесное царство Христово требуется окропление Христовою Кровію. Подъ кропленіемъ разумѣется такое дѣйствіе, когда вода или другая жидкость разбрасывается, какъ бы раздробляется, и удѣляется малыми частями множеству предметовъ или лицъ. Такъ Моисей окропилъ всѣхъ израильтянъ завѣтною кровію, чтобы, падая на нихъ малыми каплями, она каждого изъ нихъ сдѣлала участникомъ завѣта. Такое же кропленіе требуется, по ученію апостола, и въ Новомъ Завѣтѣ, утверждающемся на Крови Иисуса Христа: недостаточно, чтобы эта Кровь содержалась въ человѣческой природѣ Искушителя, какъ въ единомъ вмѣстѣлицѣ, недостаточно, чтобы она однажды излилась на Голгоѣ; нужно, чтобы она сообщалась и удѣлялась каждому изъ насъ, каждому изъ безчисленнаго множества христіанскаго народа. Такое кропленіе Христовою Кровію и совершается въ таинствѣ Евхаристіи, въ которомъ Тѣло Христово преломляется и Кровь раздѣляется для множества вѣрующихъ; чтобы каждый изъ нихъ сдѣлался причастникомъ Божественнаго естества.

Скажутъ, что кропленіе должно совершаться чрезъ вѣру въ спасительныя страданія Христовы; но вѣра упоминается апостоломъ отдѣльно и съ кропленіемъ не смѣшивается („съ полною вѣрою, кропленіемъ очистивъ сердца“). Кромѣ того, апостоль присоединяетъ: омывъ тѣло водою чистою. Здѣсь рѣчь идетъ о тѣлесномъ омовеніи, подъ которымъ нельзя разумѣть ничего иного, какъ только крещеніе; омовеніе тѣла не можетъ совершаться вѣрою, для него требуется чувственная вода. Соотвѣтственно этому и кропленіе должно пониматься, какъ видимое, тѣлесное дѣйствіе, посредствомъ котораго каждому христіанину подается часть завѣтной Крови. Это дѣйствіе называется кропленіемъ по со-

отношенію съ ветхозавѣтными кропленіями (9, 13); у насъ не можетъ быть собственно такъ называемаго кропленія, такъ какъ драгоцѣнная кровь Христова не должна разбрасываться и падать на землю, но должна приниматься въ существо чловѣка.

(Окончаніе будетъ).

Обозрѣніе проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ ¹⁾.

Одинъ изъ членовъ Владимірскаго цензурнаго комитета по разсмотрѣнію проповѣдей въ своей докладной запискѣ указываетъ цѣлый рядъ недостатковъ, замѣченныхъ имъ въ проповѣдяхъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Владимірскаго комитета (Владим. Еп. Вѣд., 1897 г., № 7). Эти же недостатки, за очень незначительными видоизмѣненіями, замѣчаются и въ большинствѣ проповѣдей, печатавшихся въ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ въ 1897 году. И прежде всего, нѣкоторые проповѣдники не пользуются надлежащимъ образомъ Библіею—этимъ первымъ и главнымъ источникомъ церковной проповѣди—и совсѣмъ иногда не приводятъ текстовъ въ своихъ поученіяхъ; другіе приводятъ ихъ только какъ бы мимоходомъ, въ качествѣ украшенія своей собственной рѣчи. Тексты часто приводятся недословно, неточно, вслѣдствіе чего иногда извращается заключающійся въ нихъ смыслъ, равно какъ и священо-историческія событія; одинъ текстъ приводится на русскомъ языкѣ, другой на церковно-славянскомъ, третій—на обоихъ вмѣстѣ. Во главѣ проповѣди большею частію нѣтъ начальнаго текста, который, заключая въ себѣ основную мысль проповѣди, сразу же даетъ слушателямъ почувствовать, что имъ предлагается не чловѣческое

¹⁾ См. № 23-й за 1898 годъ.

слово, не человѣческое ученіе, а Слово Божіе, ученіе Божественное, а потому возбуждаетъ въ нихъ и соотвѣтствующее благоговѣйное настроеніе и особо-сосредоточенное, не ослабѣвающее до самаго конца проповѣди, вниманіе.—Нѣкоторые проповѣдники, наоборотъ, пользуются Библіею слишкомъ уже неумѣренно. Есть проповѣди, состоящія почти сплошь изъ однихъ текстовъ, связанныхъ между собою чисто внѣшнимъ образомъ: „такой-то св. апостоль говоритъ“; „такой-то св. апостоль увѣщаетъ“; „Господь чрезъ пророка такого-то угрожаетъ“; „тамъ-то читаемъ“ и т. п. Что говорить,—Слово Божіе дѣйственнѣе всякихъ человѣческихъ убѣжденій; но задача церковной проповѣди — раскрывать, выяснять, ученіе Слова Божія, указывать спасительное примѣненіе его въ обыденной жизни, а не дословно повторять его предъ слушателями въ видѣ хотя бы то и самаго глубокомысленнаго и счастливаго подбора текстовъ.

Если нѣкоторые проповѣдники мало пользуются Библіею въ своихъ проповѣдяхъ, то про богослужебныя книги, про тѣ пѣснопѣнія и молитвословія, которыя Церковь положила на каждый праздникъ, почти забываютъ. Счастливымъ, хотя и очень рѣдкимъ, исключеніемъ являются только тѣ проповѣди, которыя составлены на тропари, кондаки и вообще пѣснопѣнія и молитвословія праздничныя. Между тѣмъ, богослужебныя книги представляютъ неисчерпаемый источникъ и одно изъ самыхъ благодарныхъ и богатѣйшихъ пособій для церковной проповѣди. Творенія свв. отцевъ и учителей Церкви также весьма многими проповѣдниками совершенно опускаются изъ виду, тогда какъ высокая назидательность ихъ и безусловное достоинство для непредубѣжденныхъ слушателей должны были бы побуждать проповѣдниковъ возможно чаще обращаться къ этой нескудной сокровищницѣ православно-христіанскаго вѣро-и правоученія. Но что особенно оживляетъ проповѣдь, сообщая наглядную убѣдительность ея доводамъ, — это примѣры изъ житій святыхъ. Между тѣмъ о нихъ проповѣдники часто совсѣмъ какъ будто

забываютъ. Проповѣди же на дни святыхъ иногда представляютъ собою не болѣе, какъ простой пересказъ житія, безъ надлежащаго даже, болѣе или менѣе подробно развитаго, правоученія. Мало пользуются также проповѣдники примѣрами изъ обыденной жизни, изъ окружающей природы; отдѣльныхъ же поученій по поводу тѣхъ или иныхъ явленій природы, окружающихъ въ сознаніи народа всевозможными суевѣріями, мы совсѣмъ не встрѣтили,—а это такъ желательно и такъ необходимо.

Особенно сильно чувствуется недостатокъ оживляющей повѣствовательной части въ проповѣдяхъ катихизическихъ и вообще въ проповѣдяхъ, имѣющихъ предметомъ своимъ раскрытіе догматическаго ученія Православной Церкви. Въ нихъ не всегда даже можно встрѣтить историческое освѣщеніе догмата, такъ много способствующее его выясненію и закрѣпленію въ сознаніи слушателей. Другимъ существеннымъ недостаткомъ этихъ проповѣдей является ихъ узкая односторонность. Задавшись цѣлью изложить ученіе Православной Церкви, проповѣдникъ обыкновенно какъ будто совсѣмъ забываетъ, что главная цѣль церковной проповѣди—нравственный урокъ, назиданіе, проведеніе въ жизнь и приложеніе къ дѣятельности Божественнаго ученія. Какъ на прекрасномъ образцѣ катихизическихъ поученій, не можемъ не остановиться здѣсь на словѣ извѣстнаго Кронштадтскаго пастыря прот. І. Сергіева въ день Пятидесятницы, произнесенное имъ въ Архангельской губерніи, проѣздомъ на родину лѣтомъ 1897 года (Арх. Еп. Вѣд. № 12—13). Во главѣ слова проповѣдникомъ поставлено начало праздничной стихиры на Господи воззвахъ: *Приидите, людие, Троицтасному Божеству поклонимся.* „Нынѣшній день,—говоритъ проповѣдникъ,—св. Церковь Православная во всемъ мірѣ празднуетъ и торжествуетъ исполненіе обѣщанія Господа нашего Иисуса Христа, именно—ниспосланіе отъ Отца ученикамъ и всѣмъ бывшимъ съ ними въ Сіонской горницѣ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, единосущнаго и соприсносущнаго Отцу и Сыну,

хлѣбъ—въ Тѣло Христово, а вино—въ Кровь Христову, въ бракѣ освящаетъ союзъ мужа и жены и естественное рожденіе дѣтей; въ елеосвященіи разрѣшаетъ грѣхи болящаго и врачуетъ немощи тѣлесныя; въ священствѣ даруетъ благодать избраннымъ лицамъ поучать народъ слову истины, совершать таинства и богослуженіе и руководить духовно всѣхъ къ святой жизни и вѣчному спасенію. Духъ Святой хранитъ въ истинѣ и православіи всю Церковь вселенскую и есть премудрый, всеблагій и всемогущій Кормчій ея; даетъ искреннюю молитву, и когда мы горячо молимся, мы дѣлаемъ это Духомъ Святымъ. Онъ подаетъ вѣру человѣку, и мы не можемъ искренно увѣровать въ Господа Иисуса Христа безъ благодати Духа Святаго: *никтоже можетъ рещи Господа Иисуса, точію Духомъ Святымъ*. Духъ Святой есть животь, животворящій всѣхъ, и воскресеніе мертвыхъ въ послѣдній день совершится Духомъ Святымъ; Онъ есть Свѣтъ и свѣта Податель; Самоблагій и Источникъ благодати; чрезъ Него Отецъ познавается, и Сынъ прославляется и отъ всѣхъ познается; Онъ—Духъ премудрости, Духъ разума, правый и умный; Богъ и боготворитъ достойныхъ; Огнь, отъ Огня исходящій, глаголюй, дѣйи, раздѣляй дарованія людямъ. Въ видимой природѣ Духъ Святой производитъ благораствореніе воздуха, подаетъ животворную теплоту и всю поднебесную освѣщаетъ и украшаетъ свѣтомъ солнечнымъ, а ночь озаряетъ тихимъ свѣтомъ луны и звѣздъ, произращаетъ безчисленныя растенія самыхъ разнообразныхъ видовъ и красивѣйшихъ цвѣтовъ съ пріятными благоуханіями и со всякими вкусными плодами и плодитъ все животное царство, умножая и одаряя его различными силами, способностями и искусствами, удивляющими человѣка, и влагая въ нихъ горячую, пристрастную любовь къ своимъ исчадіямъ. Духъ Святой освящаетъ разными природными дарами родъ человѣческой, даетъ людямъ способность говорить разными языками и науками, сообщаетъ имъ многообразныя дарованія, наставляетъ искусствамъ и изобрѣтеніямъ, необходимымъ въ обще-

житіи; просвѣщаетъ и умы и сердца человѣческія; собираетъ людей въ благоустроенныя общества; поставляетъ надъ ними царей и владыкъ и всякія начальства и содѣйствуетъ всякому правильному общежитію, спокойствію, тишинѣ и вообще правильному теченію жизни; располагаетъ сердца людей къ взаимной любви и сочувствію;—все это и многое другое доброе и полезное безъ числа творитъ Духъ Святой при содѣйствіи Бога Отца и Сына. Такимъ образомъ, всякимъ добромъ въ вѣрѣ, въ жизни и природѣ мы обязаны посредственно и непосредственно Св. Духу Богу, купно со Отцемъ и Сыномъ. Духъ Святой содѣйствовалъ всѣмъ святымъ и теперь содѣйствуетъ произволяющимъ въ достиженіи святости и нетлѣнія и вѣчной жизни, и Онъ почиваетъ во всѣхъ святыхъ. Такова благодать Св. Духа въ Церкви, въ мірѣ и въ природѣ.—Далѣе въ словѣ говорится о величіи, благодати, святости, премудрости, всемогуществѣ всей Св. Троицы. Намъ могутъ сказать, что въ приведенномъ словѣ прот. Сергіева нѣтъ *нравственнаго приложенія*, какъ *отдѣльной* составной его части; но все слово отъ начала и до конца проникнуто дотого очевиднымъ правоученіемъ, невольно чувствуемымъ всѣми и каждымъ, что въ выдѣленіи его въ особую часть нѣтъ никакой надобности.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 30 мая 1898 г.

Цензоръ, э-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатики, собств. домъ № 40.